

Глава 1

Новые угрозы для свободы слова

В 1990 году Национальное собрание Франции приняло несколько новых законов, которые ужесточили существовавшие в то время меры против расизма. Это произошло на фоне общественных волнений из-за разорения во Франции еврейских могил. Французские газеты были взбудоражены деятельностью правых экстремистов и возрождением антисемитизма в Европе и Советском Союзе. Поэтому новое законодательство никого не удивило. Но было что-то подозрительное в том, как мало внимания обратили на это событие — как будто его и обсуждать особенно не стоило. В газетах писали примерно так: “Новые меры запрещают ревизионизм — распространенную среди правых экстремистов тенденцию ставить под сомнение факт холокоста во время Второй мировой войны”.

Некоторые слова навевают смутные воспоминания: меры, которые “запрещают... ставить под сомнение”. Где-то мы это уже слышали.

Само по себе принятие такого закона во Франции — это любопытный и слегка тревожный эпизод, но не более того. Намерения были наилучшими. В реальности многие (вероятно, большинство) из тех, кто отрицает холокост, — ярые

антисемиты и действуют по злему умыслу; то, что холокост *происходил*, доказано. Поэтому что тут обсуждать. Все и так понятно.

Но нет. Действия французских властей нельзя рассматривать изолированно. Они — часть более общей картины.

В Австралии в Новом Южном Уэльсе парламент в 1989 году внес поправку в Антидискриминационный акт, согласно которой запрещались публичные расистские высказывания. Так как большинство людей не поддерживают подобных высказываний, они одобрили намерения законодатель. Но сам механизм действия этой поправки энтузиазма не вселяет: “Закон дает Антидискриминационному комитету право решать, является ли сообщение «честным», дискуссия — «осмысленной», «ведущейся с наилучшими намерениями» и «в интересах общества». Комитет будет высказываться относительно приемлемости способов художественного самовыражения, содержания исследовательских работ, научных споров и научных вопросов. За нечестный (то есть неточный) репортаж об общественных событиях репортеру и издателю может грозить штраф в размере до 40 тысяч долларов”¹.

В Австрии можно попасть в тюрьму за отрицание существования нацистских газовых камер. В 1992 году правительство, пытаясь конкретизировать, в чем именно заключается преступление, предложило такую формулировку: нельзя “отрицать, сильно преуменьшать, хвалить или оправдывать в печати, на радио или с помощью других СМИ геноцид, организованный национал-социалистами, или любые другие преступления национал-социалистов”². В Дании национальные законы о гражданских правах запрещают “угрожать”, “оскорблять или унижать” людей в публичном пространстве в связи с их расовой, религиозной, этнической принадлежностью или сексуальной ориентацией. Когда женщина написала в газету несколько писем, назвав национальный закон

о гей-браках “безнравственным”, а гомосексуальность — “самым отвратительным видом прелюбодеяния”, она и редактор, который это опубликовал, рисковали попасть под суд³. В Великобритании закон о расовых отношениях запрещает словесное выражение расовой ненависти “не только тогда, когда оно с большой вероятностью может привести к насилию, но и в целом — на основании того, что представителей национальных меньшинств необходимо защищать от нападок в связи с их расой”⁴.

Канадский ученый-психолог Жан-Филипп Раштон в 1989 году представил исследование, в котором проанализировал три основные расовые группы и выдвинул гипотезу, что в репродуктивном поведении негроидов преобладает высокая рождаемость, азиаты склонны усиленно ухаживать за своим потомством, а белые находятся где-то посередине. Ученого затравили в прессе, на телевидении его в лицо называли неонацистом, а его аспирантам порекомендовали подыскать себе другого научного руководителя. Но и это еще не все. Полиция Онтарио инициировала полугодовое расследование деятельности Раштона в соответствии с канадским законодательством о языке вражды. Полицейские допрашивали его коллег, требовали аудио- и видеозаписи обсуждений, в которых он принимал участие, его выступлений в СМИ и так далее. “Полиция Онтарио официально изучала вопрос о том, могут ли Раштону грозить два года тюрьмы за «использование спорных исходных данных»”⁵.

То же самое происходит во Франции, в Австралии, Австрии, Канаде и Соединенных Штатах. Правда, в Штатах есть одно существенное отличие. Конституция США затрудняет регулирование неоднозначных высказываний. Государство не так уж много может сделать для того, чтобы пресечь оскорбительные комментарии или неприятную для кого-то критику. Поэтому в Америке движение против публичных оскорблений всегда разворачивалось скорее в плос-

кости морали, чем в плоскости права, и тон здесь задавали неправительственные организации, особенно колледжи и университеты. По всей стране в университетах принимали правила, защищавшие права меньшинств, и устанавливались наказания за их ущемление. Студентам и сотрудникам запрещается “словами или другими способами выражения” “оскорблять или стигматизировать человека или небольшую группу лиц на основании их половой или расовой принадлежности, физических особенностей, вероисповедания, сексуальной ориентации, национальности или этноса”⁶. Это цитата из правил Стэнфорда, принятых в 1990 году; их можно считать более или менее показательными.

Подобные правила активно насаждаются. Один случай стал особенно известен, так как послужил поводом для иска в федеральный суд, в результате которого правило отменили. В Мичиганском университете студент во время дискуссии сказал, что считает гомосексуальность болезнью, требующей лечения. Существует масса свидетельств того, что гипотеза этого студента ошибочна, а представители американского гей-сообщества обоих полов могут рассказать, сколько вреда она принесла за долгие годы. Но в Мичигане не ограничились тем, чтобы просто опровергнуть аргументы студента или проигнорировать его слова. Его вызвали на официальное дисциплинарное слушание за нарушение университетских правил, запрещающих высказывания, которые “делают людей жертвами” на основании их сексуальной ориентации⁷.

Тревожно не то, что такие вещи случаются, но то, что они теперь случаются постоянно и истеблишмент часто это поддерживает. Событие в Мичигане — просто одно из многих. В 1990 году в Южном методистском университете “несколько студентов — пятеро белых и один чернокожий — доложили администрации вуза, что во время ночной беседы в общежитии первокурсник обозвал [Мартина Лютера] Кинга коммунистом и спел песню *We Shall Overcome* в сар-

кастической манере»⁸. Судебная коллегия университета приговорила провинившегося первокурсника к тридцати часам общественных работ в организациях, занимающихся проблемами меньшинств.

Такие случаи — во всяком случае, вне кампуса — неоднозначны и вызывают гневную реакцию у борцов за гражданские свободы. Вместе с тем и французский, и австралийский, и мичиганский инциденты затрагивают более широкую проблематику, чем просто свободы граждан. В качестве социальной нормы устанавливается очень опасный принцип: нельзя ранить людей словами. Этот принцип несет в себе угрозу — и не только гражданским свободам. По сути, он угрожает свободе исследования, то есть самой науке.

Если это утверждение кажется вам алармистским, я не буду с этим спорить, но прошу все же не откладывать книгу. А еще попрошу вас запомнить вот что: в языке есть слово, которым обозначается право трибуналов — неважно, общественных или частных, но в любом случае уважаемых и могущественных — обнаруживать ошибочные и общественно опасные мнения и наказывать за них. Это слово применимо в том числе и к системе, в которой на студента университета доносят за сказанную в ночной беседе некорректную и обидную фразу, после чего его вызывают на специальные слушания и наказывают. Это слово многие годы почти не использовалось. Это слово — инквизиция.

Книга, которую вы держите в руках, посвящена либеральной общественной системе, которая позволяет отделить истину от заблуждения. Я бы сказал, что это наша лучшая и самая успешная политическая система. Книга посвящена и политическим врагам этой системы. Не только давним врагам —

старозаветным поклонникам авторитаризма, но и новым — эгалитаристам и поборникам человеколюбия. Частично это книга о свободе слова — в той мере, в которой обсуждаемые в ней принципы влияют на законы и государственную политику. Но в защиту Первой поправки¹ и так уже написано достаточно. Здесь же я предпринимаю попытку обосновать скорее моральность, чем законность общественной системы производства знания, в рамках которой живым людям часто приходится страдать. Попытку защитить либеральную интеллектуальную систему от крепнущей идеологии, направленной против критики.

Существуют стандартные обозначения либеральных политической и экономической систем: демократия и капитализм. Однако странно, что нет названия для либеральной интеллектуальной системы, область применения которой простирается от истории до журналистики. Поэтому в книге я использую термин “либеральная наука” (почему — объясню позже). Сама необходимость придумывать имя для системы “сортировки” идей свидетельствует о том, насколько эта система успешна. Чтобы установились те принципы, на которых базируется либеральная наука, потребовалась социальная революция; при этом сами эти принципы оказались настолько эффективными, настолько выгодными, что большинство из нас принимают их как должное. Мы редко задумываемся об их ценности — так же как и о ценности права на частную собственность или права голосовать на выборах, даже еще реже. Большинство из нас вообще никогда не задумывались о либеральной системе производства знания. И это — дань ее успеху. К сожалению, по этой же причине многие американцы не замечают и нынешней атаки на нее.

О какой же атаке идет речь? Попытаюсь объяснить это следующим образом.

i Поправка к Конституции США, гарантирующая, в частности, свободу слова. (Здесь и далее подстрочные примечания переводчика, если не указано иное.)

Ключевой вопрос книги таков: каким образом общество должно выявлять и улаживать противоречия между различными мнениями? Другими словами, как правильно — или хотя бы как лучше всего — принимать решения о том, кто прав (то есть обладает знанием), а кто не прав (то есть является просто носителем мнения).

Этот вопрос можно задать очень по-разному, и появляется он на каждом шагу. 10 мая 1989 года газета *The Tennessean* в Нэшвилле написала о том, что член городского совета Джордж Дарден предложил построить посадочную площадку для неопознанных летающих объектов. “Люди сообщают обо всех этих странных существах, которые прилетают к нам в город, а приземлиться им негде”, — заявил он. По его словам, сам он никогда таких существ не видел, но говорил вполне серьезно. “Ведь люди их видят — неужели вы хотите объявить их всех сумасшедшими?” — вопрошал он.

Джордж Дарден не был шутом. Он — ни больше ни меньше — поднимал проблему, которую философы называют проблемой познания: как отличить истинные убеждения от ложных, особенно если носителей первых меньше, чем носителей вторых? И кто должен решать, как это делать? Над Джорджем Дарденом все смеялись, но он заслуживает того, чтобы получить ответ. В конце концов, что должен делать политик, когда его избиратели утверждают, что видели НЛО?

На этот центральный вопрос — как отличить истинные убеждения от искаженных, ненормальных? — существует пять разных ответов. Это пять принципов принятия решений; всего их, несомненно, больше, но сегодня между собой в основном соревнуются именно они.

- *Фундаменталистский принцип*: те, кто знает правду, решают, кто прав.
- *Простой эгалитаристский принцип*: убеждения всех честных людей равно заслуживают уважения.

- *Радикальный эгалитаристский принцип*: схож с простым эгалитаристским принципом, но убеждения людей, принадлежащих к исторически угнетаемым классам или группам, согласно ему, заслуживают особого отношения.
- *Принцип человеколюбия*: допускает любой из вышеперечисленных подходов при главном условии — никому не навредить.
- *Либеральный принцип*: единственный легитимный способ решить, кто прав, — это проверка каждым каждого в поле общественной критики.

Главная идея этой книги заключается в том, что последний из принципов — единственный приемлемый, но сегодня он уступает позиции другим, и это очень опасно. Отталкиваясь от мысли, что наука — это подавление, а критика — это насилие, общественное регулирование дискуссий и исследований возвращается к идее благопристойности — на этот раз под прикрытием гуманности. В Америке, во Франции, в Австрии, Австралии и других местах возрождается старый принцип инквизиции: людей с неправильными или вредными взглядами нужно наказать ради общественного блага. Если их нельзя посадить в тюрьму, они должны потерять работу, против них надо развернуть организованную кампанию по очернению, их нужно заставить извиниться, отказаться от своих слов. Если наказанием не может заняться государство, то дело должны взять в свои руки частные организации и группы давления — по сути, линчеватели мысли.

Странно через три с половиной века после того, как Римская католическая инквизиция арестовала и казнила Галлилея, писать о новой идеологии, направленной против критики, и о государственных и общественных попытках ее насадить. Странно использовать такие слова, как “инквизиция” и “линчеватели мысли”. Что же случилось? И почему?

Послушайте две истории о новых вызовах либеральной науке. Одна из них — о справедливости, другая — о сочувствии.

История о справедливости начинается в прошлом векеⁱⁱ, когда незыблемые представления консервативных религиозных сил, наконец, пали под натиском Лайеля, Дарвина, Т. Хаксли и неумолимого развития официальной науки. Бог и Библия с тех пор и надолго были почти полностью исключены из физики и астрономии. Последним их оплотом оставались геология и биология, история Земли и жизни; в конце концов, в Библии мало говорится о законах движения, но достаточно — о сотворении мира и его обитателей. Но даже в науках о жизни и Земле время тех, кто верил в высшие силы, уходило. К 1830-м годам даже такой набожный геолог, как преподобный Адам Седжвик, заявлял, что свидетельств Всемирного потопы не найдено. Седжвик и другие считали, что Библию просто не следует понимать буквально. Они намекали, что Библия подходит только для морального наставления, но не для познания окружающего мира.

В 1859 году была опубликована книга Дарвина “Происхождение видов”, и через двадцать лет едва ли хоть один натуралист в мире не поддерживал теорию эволюции хотя бы частично⁹. Но широкой общественности было сложнее поменять свои взгляды. Новый научный консенсус оставил позади миллионы обычных людей. Для христиан-фундаменталистов это был вопрос морали. В 1920-х годах они развернули кампанию за то, чтобы изгнать богопротивный эволюционизм из школ, и к концу десятилетия в четырех американских шта-

ii Книга впервые издана в 1993 году, поэтому здесь имеется в виду XIX век.

тах запретили преподавать дарвинизм, а больше двух десятков других штатов были близки к этому. Среди тех четырех был Теннесси, где законность запрета была поставлена под сомнение в ходе знаменитого Обезьяньего процесса 1925 года. Тогда запрет не сняли, но лидер фанатиков Уильям Дженнингс Брайан, выступавший в качестве свидетеля, был опозорен, пресса высмеивала антиэволюционистов, и к концу десятилетия движение выдохлось. Оно ушло в себя и почти что — хотя и не полностью — кануло в прошлое.

Когда либерально настроенный американец — такой, как я и, возможно, вы, — смотрит на креационистов тех дней, он видит шайку невежественных неандертальцев, идущих против прогресса. Но мы будем несправедливы, если не подумаем о том, насколько должно быть страшно видеть, как втоптывают в грязь вашу священную книгу, а на ее место возводят нечестивого светского идола. Креационисты пытались защитить свой мир, свое достоинство.

У них ничего не получилось. Но их недовольство не исчезло; оно мучило их, как зубная боль. Креационисты начали понимать, что не просто проиграли битву за превосходство; они проиграли даже битву за то, чтобы их взгляды считались равноценной альтернативой. В 1960-х годах креационизм возродился, но с хитрым дополнением. Теперь, по словам креационистов, это был “научный креационизм”: альтернативная теория. Так же как и в предыдущие десятилетия, ученые и интеллектуалы либерального толка со смехом отвергли научный креационизм; практически ни один уважаемый исследователь не готов был поддержать эту идею. Она представляла собой старый библейский сюжет, очищенный от ссылок на Бога и Библию и снабженный всеми возможными лоскутами доказательств — настоящих или вымышленных, — которые удалось собрать. Но широкая общественность оказалась более открытой для новой теории, чем профессионалы. И в 1970-х годах креационисты поняли,

за что стоит бороться: за равные возможности в публичной дискуссии для креационизма!

Они доказывали, что эволюция — это такая же религия, как и сотворение мира, и что “наука о сотворении” столь же научна, сколь и “наука об эволюции”. Они даже утверждали, что креационизм более научен, чем теория эволюции. Каждый доказывал что-то свое, но основной посыл был следующим: существует много точек зрения, и мы просто добиваемся справедливости, возможности отстаивать свою.

Хотя их позицию часто не принимали всерьез, она на самом деле имеет глубокую философскую силу. Наука и скептическое исследование — это один способ познания мира; изучение Библии и обращение к гуру — другой. Если оба способа оставляют пространство для неопределенности (а скептическая наука должна это признать!), то почему бы не преподносить их в школе как две равнозначные альтернативы? Почему один из способов должен иметь привилегии? “Ваше убеждение, скажем, в правильности теории Дарвина в такой же степени основано на вере — вере в науку, — как и мое убеждение в правильности идеи сотворения мира; на каком же основании вы хотите присвоить монополию на правду, если я так же сильно и искренне придерживаюсь своих убеждений, как и вы?”

Таким образом креационисты начали представлять себя в качестве подавляемого меньшинства. “В существующей системе... студентам внушают философию светского гуманизма, — жаловался один типичный креационист. — Авторитаризм средневековой церкви сменился авторитаризмом рационалистического материализма. Конституционные права нарушаются, и свободное научное исследование души находится в плену этого догматизма”¹⁰. То же имел в виду и чиновник от образования в штате Аризона, христианин-фундаменталист, когда говорил: если родители объясняют ребенку, что Земля плоская, то учителя не имеют права им возражать.